

Через страдание, залившее землю, дать точное её определение: играющим одним – и определяющим сущность эпитетом:

*На этой земле, золотой как парча...*

Воистину – переполненная всем, она подлинно золотая – и в большей степени, нежели парча: как само небо.

Андреев, как поэт, не отделим от собственной концепции мира, раскрытой им знаменитой розой, в стихах он словно без конца поясняет и уточняет детали слоёв, открывавшихся ему в видениях и так мощно и стройно уложенных в трактат, что подлинность их не вызывает сомнения.

Кроме этого нет ничего: ибо всё укладывается в концепцию Розы мира: во всеобъемлющую концепцию:

*Неведомых далей, неслышанных песен,  
Невиданных стран, непройденных дорог,  
Где мир нераскрытый – как в детстве чудесен,  
Как юность пьянящ и как зрелость широк...*

Мотивы Андреева-поэта – от гармонии Блока, которому посвящено столько открывающих по-новому образ поэта страниц; но и раньше – от Лермонтова, вероятно, черпает Андреев звуки и лад своих песен: высоких, конечно, изобильных, как небесные пласты над нами...

И дальше разворачивается невиданная мистерия стиха, и вступают в действия не представимые существа и разнообразие их голосов необходимо ради чёткого усвоения целостности мира:

*В этот вечер, что тянется, черный,  
Как орнаменты траурной урны,  
Демииургу о ночи злотворной  
Говорила угрюмая Карна:  
Дева горя, что крылья простерла  
С Колымы до дунайского гирла,  
От Фу-Чжанга – китайского перла –  
До снегов Беломорского Горла.*

А стих чеканный, кованный и литой...

Различные формы словесной металлургии высочайшего качества демонстрирует Андреев, проводя стихами образы миров...

Может быть, совершенство стиха есть лучшее доказательство их реальности?

## 2.

Совершенно неважно, возможно духовное зрение, или нет...

Совершенно неважно, соответствуют миры, описанные в «Розе мира» действительности, или элемент фантазии, которую Андреев – по собственному признанию – старался изгонять – слишком велик...

Важно то, что, вовлекая читателя в «Розу Мира», Д. Андреев вовлекает его в такой крепкий культурологический космос, соприкосновением с которым не может не изменить сознание.

Всё живо, всё одушевлено: какой чудесный мир!

Живая история, текущая постоянно, и постоянно как будто соприкасающаяся с безднами прошлого – и сколько тайн там! Шифров, которые надлежит расшифровать...

В «Розе Мира» заложено множество идей: гуманитарных, социальных, политических; и то, что преподнесена она миру феноменальным, ярко играющим, поэтическим языком, превращает её в своеобразный эпос в прозе...

Хотя хотелось бы, чтобы и духовное зрение было возможно и человечество пришло к золотому веку...

### 3.

«Роза мира» – беспрецедентностью своей в русской культуре затмила замечательный свод стихов Андреева: выдающийся поэт будто добровольно уступил место пророку. Сияющий массив «Розы мира» – тем не менее – содержит немало горького, и в частности то, что люди, почитая как неудобное им, предпочитают не замечать; кто из богатых слышит – «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко»? – а ведь знают все... Увы, так же плохо мы слышим и стихи. Стих Андреева – блоковски музыкальный, хотя, конечно, совершенно индивидуальный – отголосками несёт те же истины, что проведены через «Розу мира»; но художественная система стихов доступнее, вероятно, сложных построений прозаического трактата; и, тем не менее, стихи Андреева во многом – тропы к блистающей цитадели мудрости, в более узком пониманье – своеобразные ходы к монолиту «Розы мира» (чья линия в современном мире продолжена исследованием замечательного учёного Александра Зеличенко «Свет жизни»).

Стих Андреева щедр на свет – ласковый и нежный; световые потоки изливаются в душу читающего, меняя её, наставляя светом. Дар вестничества позволил Андрееву создать новую картину мироздания – точно соткать восточный, переливающийся многими цветами символов, ковёр, где каждая нить – осмысленна, а суммарный эффект – предстаёт мистическим портретом космоса. Символ звука Андреевских стихов – огонь, но огонь не слепящий, а благостный: тут и лампада, в чьей неугасимости не стоит сомневаться, и костёр на дальнем берегу – костёр, к свету которого так надо выйти...

Информация, сообщаемая Даниилом Андреевым в глобальной «Розе мира», не проверяема и не доказуема; хотелось бы, чтобы на большую часть процентов она была верна, в противном случае реальность совсем уж безнадежна, однако полная не схожесть того, о чём пишет Андреев в футурологических с реальностью прожитого нами временного отрезка, едва ли настроит на оптимистический лад, НО – помимо сказанного – «Роза мира» представляет собой такой вариант языкового цветения, что дух захватывает...

В сущности, это гигантская, великолепная поэма в прозе: переливающаяся тысячами смысловых огней куда ярче самоцветных камней, и можно, отрешившись от содержания, что кажется невероятным, вчитываться и перечитывать текст вновь и вновь, пестуя в себе эстетическое языковое чувство.

Ибо его удовлетворяет «Роза мира» с избытком.

Мысль – порою причудливая, порой слишком ясная – варьируется в словесном исполнении, точно в дело вступают музыкальные инструменты: и тяжёлый, небесно-спокойный орган уступает место животрепещущим скрипичным взмывам, а виолончельные ряды рассыпаются бурной пианистической импровизацией.

Сострадание и теплота, вплетённые интонационно, играют значительную, если не определяющую роль в книге.

В книге, столь перенасыщенной разнообразными цветовыми гаммами, что радуга рядом с ними кажется жадной: и не мудрено, ведь в дело вступают инфра-оттенки и транс-цвета, роскошные, как потусторонние цветы, которые нам, увы, не представить.

Грандиозные пласты «Розы мира» завораживают: тут идёт погружение в глубины, сокрытые от большинства, и даже

краткое прикосновение к ним, может изменить образ мыслей; тут даются взлёты, чья головоломность, гранича с опасностью, может раскрыть потенции вашей собственной души...

Бесконечное пространство: великая, раскрытая сразу на множестве страниц книга...

...Андреев продолжает разнообразную эзотерическую традицию: но без проповеди и сухости, с чрезмерной живописностью поэта.

В сущности, «Роза мира» – грандиозная поэма в прозе. История выходит из таких недр дали, что и не представить, мифология раскрывается по-новому, всё новые и новые вводимые термины призваны уточнить мировосприятие...

Верный вектор?

Для большинства – книга эта предтеча фэнтези: жанра столь же пустого, сколь и не питательного, увы.

Немудрено: как представить иные пространства человеку, до смерти заточённому в этом?

Равно в теле?

Как ощутить бездны собственного «я»?

Лишь иногда, редкой порою нечто начинает брезжить и пульсировать в таинственных недрах, и точка эта, расширяясь, расходясь лучами, точно откровение тайны, заложенной в каждом.

...Мы прожили годы, описанные Андреевым в футурологических главах его труда; мы видели, что ничего похожего не произошло, что ошибался пророк, возможно идеализировавший грядущее, и это – как будто отменяет и видения его, переведённые в столь поэтическую, роскошно звучащую прозу.

И, тем не менее, представляя хотя бы на миг колоссальность космоса, бессчётные мириады вселенных, отвлекаясь от повседневности суеты, ощущаешь правоту Андреева в главном: мир не может не быть многослойным, гармония его

и чрезвычайное количество всего, что в нём есть, не могут не управляться центром, который нам не представить, и высота книги завораживает вновь и вновь...

...хотя бы на уровне феноменальной поэзии прозы.

## 6.

Его стих был ярк, как вековечная медь, не требующая комментариев: его стих именно их и требовал: ибо на все возможные лады варьировал слишком сложные, ошеломляющие, кажущиеся невероятными реалии «Розы Мира», подъятой Андреевым, как сияющий пласт, к небесам.

Его стих был исполнен символов и толкований собственных видений; он был совершенно, ювелирно огранён и пел и рвался колоннами звуков органа к небесным пределам.

Его поэзия вбирала мифы, провидя в них сверхмифы, истолкованные провидцем по-своему, она соприкасалась с такими реалиями, с которыми, казалось, в русской поэзии не работал никто:

*Для народов первозданных  
Слит был в радостном согласье  
Со стихиями – туманный  
Мир идей.  
Выходила к ним из пены  
Матерь радости и страсти,  
Дева Анадиомена,  
Свет людей.*

Бесконечность жизни ощущалась живою, волшебною плазмой, как и смерть – раскрывалась вовсе не чёрной бездной, но проводницей в бесконечное, сулящее многое путешествие; отдельные периоды гигантской «Розы Мира» уточнялись поэзией, становясь отчётливее, но и возвышенной.

Разумеется, не только о том поэзия Андреева: она многопланова, она раскрывается разными оттенками красок бытия:

*Не поторапливаясь,  
ухожу к перевозу  
Утренней зарослью у подошвы горы,  
Сквозь одурманивающие ароматами лозы,  
Брусникою пахнувшие  
от вседневной жары.*

И, разумеется, Андреев затмил себя, как поэта, космосом главного своего сочинения: мистически-поэтического трактата о прошлом и будущем: таком далёком, что его не представить и сейчас.

«Роза Мира» рассматривала космос человека и человечества под углом всепроницающих небесных лучей и глобальной осмысленности всего живого...

Будто нет мелочей, нет ничего не значимого: всё полно белой крупной солью.

Трактат поэтичен в той же мере, что и философичен: поэзия разлита уже в самое построение андреевских фраз, звучащих как высокие строки гекзаметра; поэзия – сама во многом соль бытия...

Ведь неизвестно, как звучало то первоначальное слово, что было Бог и что было у Бога; и понятно, что оно не было словом в нашем понимании, но включало в себя бессчётно смыслов.

Андреев пишет о многом: соединяя это многое, выявляя связи между бездной истории и развитием человечества, исследуя самые разные поля человеческой деятельности.

...И снова раздаются огненные органы его стихов, и снова цветут необыкновенные небесные поля «Розы Мира», прочитанной многими, но усвоенной, как должно, вряд ли большим процентом живущих...